

Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути»

© 2019

Б.М. Кондорский

Для анализа реализуемой Китаем концепции Экономического пояса Шелкового пути использован системный, комплексный подход. Особое внимание уделено историческим предпосылкам. Используются основные положения теории революционного периода. Китай (так же, как и Россия) относится к странам третьей генерации, в рамках которой характер политико-экономического развития заметно отличается от такового в западных странах. Для этих стран характерно наличие рецидивов прошлого, особенно для Китая. В современном Китае это проявилось, в первую очередь, в ренессансе конфуцианства. Показана роль подобных явлений в формировании проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, внутренняя и внешняя политика современного Китая, «китайская мечта», геополитическое пространство, революционный период.

DOI: 10.31857/S013128120004634-8

Популярная в последние годы тема Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) требует системного подхода и имеет для руководства Китая жизненное значение.

Часть экспертов относится к проекту ЭПШП скептически, рассматривая его как мечту о будущем мироустройстве. Ряд стран связывает с ним надежды на улучшение своей транспортной инфраструктуры. Главное, что Китай выступает не только как организатор проекта, но и его основной финансовый спонсор, в основном через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути. Проект планируется реализовать в течение 30 лет. По существу речь идет о создании единого евразийского пространства, в котором Китай будет играть системообразующую роль в развитии транспортно-логистической структуры¹.

По мнению главы Института развития Госсовета КНР Ли Вэй, данная концепция будет способствовать формированию нового мирового экономического порядка. При этом упор делается на сотрудничество, рыночную конкуренцию, свободу торговли². Си Цзиньпин, как представитель националистически настроенной части партийной элиты, вместо бесперспективной кооперации с США, сделал основную ставку на инициативу Пояса экономического развития Шелкового пути³.

Руководство КНР постоянно подчеркивает, что КПК, под руководством которой живет страна, выражает интересы всего народа⁴. Известный экономист Дж. Стадвелл считает это основным фактором успешного промышленного развития государства⁵. При этом «невооруженным глазом» видно, что партия в Китае является более естественным компонентом общества и государства, чем в свое время КПСС в Советском Союзе.

Можно критиковать Китай за отсутствие «классического рынка» и нарушения так называемых прав человека, но факты говорят сами за себя. С 2013 по 2016 г. среднегодовые темпы роста ВВП страны составили 7,2%, а вклад в рост мировой экономики превысил 30%. ВВП на душу населения составляет около 8 тыс. долл.⁶ Для сравнения: на Украине этот показатель сейчас едва превышает 2 тыс. долларов. К сожалению, в 1980-е — 1990-е годы Советский Союз, а затем Россия вследствие либерального менталитета тогдашнего руководства не восприняли опыт Китая в деле строительства «рыночного социализма»⁷. В то время как, начиная с Дэн Сяопина, все задачи в области экономики, политики, культуры и науки, которые ставила КПК, в Китае четко и неукоснительно выполнялись. Состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд компартии наметил стратегический план развития страны на следующие пять лет. В основу национальной идеи заложено понятие мечты китайцев, связанной с возрождением «великой китайской нации»⁸.

Предложенная Си Цзиньпином «китайская мечта» объединяет в себе частично «мечты» Мао Цзэдуна о построении социализма, идею «активизации Китая» Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, а также концепцию «гармоничного общества» Ху Цзиньтао. «Китайская мечта» подразумевает, что только под руководством КПК китайский народ сможет построить более совершенное общество⁹.

На XIX съезде было подчеркнуто, что в современную эпоху КПК вместе с народом будет двигаться вперед к реализации «целей двух столетий». Первая — создать к 2020 г., то есть к 100-летию образования КПК, общество средней зажиточности, вторая — к середине нынешнего века, к 100-летию юбилею основания КНР, построить социалистическую современную мощную державу¹⁰.

Специфика революций «нового времени» заключается в том, что революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои внутренние законы. Конкретные революции — лишь проявление этих законов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий¹¹.

Все страны, в зависимости от времени начала (связанного в основном со спецификой предыдущего исторического развития) и характера протекания революционного периода, можно разделить на три основные группы. В странах первой генерации (СПГ) — Нидерландах, Англии, США, Франции РП начался ранее всего и в каждой из стран имел свою специфику. В большинстве европейских государств и Японии — странах второй генерации (СВГ) РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В России, Китае, Турции, Иране, балканских и латиноамериканских государствах РП ограничился рамками XX в.

В РП все политические режимы имеют некоторые черты диктатуры, особенно во время самих революций. Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры.

Страны третьей генерации (СТГ) имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства: капитализм отсутствовал, но уклад был капиталистический. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы. Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно дополнялось политическими оговорками.

Феодалной революции обычно предшествует период феодализации, когда появляются отдельные признаки феодализма, но еще нет феодальной системы. В Китае феодализация была характерна для более чем 400-летнего периода «великой смуты», когда

Север страны превратился в арену непрерывных гражданских войн и нашествия различных видов кочевников.

Сам феодализм как система в Китае появляется только в период династии Сун¹². В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с «чистого листа», в Китае сохранилась более чем заметная преемственность с предшествующим периодом второй половины I тыс. до н. э. и начала I тыс. н.э. Современный Китай в определенной степени связан с системой, уходящей вглубь истории, по крайней мере, на две с половиной тысячи лет. Все это предполагает заметное проявление рецидивов прошлого в новейшей истории Китая.

В свое время большое влияние на идеологию Гоминьдана оказало конфуцианство¹³ как морально-этическое учение. На уровне этнического сознания каждого китайца того времени конфуцианская мораль была связана с ним самыми крепкими узами.

Попытку объяснить маоизм, его философию и идеологию на основе рецидивов прошлого предпринял в свое время Цзе Сюн¹⁴, усмотревший сходство между маоизмом и учением Ван Янмина (одного из основоположников неоконфуцианской школы). Формально Мао и КПК на всем этапе ее существования вели борьбу с традиционным сознанием, считая его опасным «конкурентом» коммунистической идеологии. Это подвигало руководство партии к жесткому контролю всех основных аспектов жизни людей и общественной деятельности в Китае¹⁵.

Эта борьба еще более усилилась в период «культурной революции». Однако и здесь проявили себя рецидивы традиционного сознания. Идеи Мао начали восприниматься как нечто сакральное. Традиционная сила изречений всегда вызывала в Китае благоговение. Сакрализация идеологии достигла таких масштабов, что политическое руководство страны было обеспокоено столь явным господством религиозной формы¹⁶.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Соответственно сформировался «советский» базис политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон, от которого никуда не деться. Базис невозможно изменить волевым способом, не разрушив при этом государства. В России доморощенные либералы попытались в 1990-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики.

Именно соответствие базиса и надстройки играет в СТГ решающую роль.

В Китае данную закономерность политическое руководство в лице Дэн Сяопина интуитивно поняло еще в 80-е — 90-е годы XX века, что определило успешное развитие страны. Руководство КНР уделяет особое внимание идеологическому сопровождению проводимых реформ. Мировоззренческие аспекты в этом плане не только сохраняют, но и многократно усиливают свое значение¹⁷. Си Цзиньпин неоднократно обращал внимание на важность изучения диалектического материализма¹⁸.

Сейчас речь идет о построении социализма с китайской спецификой только к середине нынешнего столетия¹⁹. Таким образом, Китай, в отличие от Советского Союза, крайне осторожно подходит к оценке данного процесса. Согласно Си Цзиньпину, страна находится только на начальной стадии социализма²⁰. Прогноз о том, что модернизирующийся и обогащающийся Китай рано или поздно присоединиться к так называемому демократическому большинству²¹ не выдерживает критики.

Си Цзиньпином предпринята попытка синтеза, соединяющего китайский марксизм, включая гносеологические подходы Мао Цзэдуна, и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонии. Идея гармонии «хэ» является генетическим принципом китайской цивилизации. По мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская

культура поклоняется гармонии²². В данном случае используются термины, понятия, выражения, весьма далекие от классической политологии.

Вань Эсянь, вице-президент Китайского общества по изучению прав человека, считает, что современное понимание роли человека и его прав в Китае самым тесным образом связано со взглядами древних китайских мыслителей и прежде всего Конфуция²³, когда государство рассматривается как большая семья. В то же время, с точки зрения легизма, человек существует в государстве не как свободный субъект, а как подчиняющийся власти индивидум²⁴. Кардинальные различия в понимании и восприятии многих социально-политических понятий между Китаем и Западом проявляются, в частности, в том, что конфуцианство и легизм следует рассматривать как две стороны, две составляющих одной и той же идеологической системы.

По существу Китай переживает сейчас своеобразный ренессанс конфуцианства²⁵. Принятая в 2001 г. «Программа строительства гражданской морали» сделала акцент на следующих моральных принципах: любовь к родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбность, трудолюбие, бережливость и самоотверженность, служение своему долгу. Все это входит в конфуцианский моральный кодекс²⁶.

Что касается внешней политики Китая, то руководство страны стремится придать ей «китайский облик», используя «специфические китайские пути защиты национальных интересов». Просматривается желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Симптоматичен призыв Си Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду в международных отношениях». Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» над «пользой-выгодой»²⁷.

Развитием современного использования категорий традиционной китайской культуры стал провозглашенный в выступлении Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе в октябре 2013 г. «курс близости, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» (*цинъ, чэн, хуэй, жун*) в отношениях с соседями. Четыре иероглифа, обозначающие эту политику, обладают богатой смысловой палитрой, их трактовка связана с идейным наследием Древнего Китая²⁸.

Китай предпочел активный характер внешней политики, не следуя пассивной интеграции в мировую экономику, обернувшейся потерей экономической и политической самостоятельности для многих государств²⁹. Предоставленная мировой общественности Председателем КНР Си Цзиньпином в Астане 7 сентября 2013 г. стратегия под названием «Экономический пояс Шелкового пути» являет собой программу радикальной активизации внешнеполитической деятельности КНР³⁰.

Однако с концепцией ЭППП не все так просто. Не говоря уже о громадных материальных затратах, необходимо учитывать многочисленные противоречия между странами, все более обостряющиеся в последние годы. Особенно после того как президентом США стал Трамп. Еще 2–3 года назад выходили многочисленные статьи по проблемам «нового Шелкового пути», проводились конференции. В последние два года в этом вопросе наблюдается относительное затишье.

Следует также иметь в виду, что активность Китая сочетается с крайне осторожным подходом к основным проблемам мировой политики и кризисным ситуациям. В свое время Дэн Сяопин завещал «держаться в тени, стараться ничем не проявлять себя и при этом делать что-то реальное». Трактовка данной формулы до сих пор является предметом оживленной дискуссии³¹.

Тщательный анализ стратегии ЭППП оставляет двойственное чувство. Все планируемые мероприятия не совсем стыкуются с базовыми законами экономической и политической систем, выход за пределы которых приводит в «иллюзорное пространство»:

если участвуют все страны, которые планируется вовлечь в этот проект, получается не-подъемная для Китая зона влияния.

Китайская экономика сумела эффективно приспособиться к процессу глобализации и установить с экономиками ведущих развитых стран отношения тесного сотрудничества, а также взаимозависимости и взаимодополняемости. Китайские политологи с гордостью признают, что главным призёром глобализации стал именно Китай³². Но это «палка о двух концах». Глубоко втянувшись в глобализацию, Китай стал весьма зависим от ситуации в мировой экономике³³.

Китай проводит активную политику по созданию зон свободной торговли уже в 20 регионах мира, старается установить отношения экономической интеграции с основными субъектами этого пространства³⁴. В отношениях с партнёрами Китай акцентирует принцип «совместного обсуждения, совместного строительства, совместного использования»³⁵. Практикуется льготное кредитование, оказание помощи бедным государствам, в первую очередь, на развитие транспортной инфраструктуры³⁶.

Наибольшее внимание в этом отношении Китай уделяет Азиатско-Тихоокеанскому региону, при этом сталкиваясь с рядом серьёзных проблем. Наиболее напряжённая обстановка, чреватая потенциальными конфликтами с соседями, наблюдается по поводу суверенитета над островами Южно-Китайского моря³⁷, хотя это не мешает двусторонней торговле³⁸. Тихий океан воспринимается национальным сознанием в духе традиционного китаецентристского видения мира³⁹. Пока Китай в этом регионе максимально старается решать спорные проблемы со своими соседями, включая Тайвань, мирным путем,⁴⁰ формировать благоприятный имидж страны⁴¹, завоевывать благосклонность местных элит. Пекин постоянно декларирует отсутствие каких-либо политических или идеологических условий, а также невмешательство во внутренние дела других стран.

В связи с этим вспоминаются грандиозные морские экспедиции в начальный период династии Мин, которые преследовали не торговые или политические цели, а носили престижный характер — «показать свой флаг»⁴². Интуиция подсказывает, что ЭПШП реально преследует, в первую очередь, именно эту цель.

Зону своего влияния в форме ЭПШП Китай в настоящее время формирует не столько по законам политического и экономического пространств, сколько по законам цивилизационного пространства. Совершенно противоположные методы используют США. Это видно на примере их попыток в свое время реализовать модель «нового Шелкового пути», тесно связанную с концепцией «Большой Центральной Азии»⁴³. При этом американцы безо всяких обиняков четко заявили, что основной их геополитической целью является отрыв центральноазиатских государств от России и Китая и перенаправление потоков нефти и газа в сторону Южной Азии⁴⁴.

Как говорилось выше, Китай без лишнего шума и политических условий формирует свою зону влияния. В этом отношении особый интерес представляет американский подход в лице Ф. Старра, руководителя Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса⁴⁵. Основная ставка сделана на Афганистан, который американцы пытались сделать «демократическим» только путем проведения псевдовыборов. При этом в отличие от Китая, СССР в свое время не предпринимал никаких заметных попыток формирования гражданской инфраструктуры. Основной целью американской концепции была попытка «пристегнуть» центральноазиатские государства к американскому Афганистану.

Основой ойкумен, начиная с периода древности, была развитая инфраструктура (особенно дорожная). Здесь уместно вспомнить ту же Римскую империю, державу Ахеменидов, Китай периода династии Хань. Если Китай сейчас в основном вкладывает деньги в развитие инфраструктуры в своей зоне влияния, то в послевоенный период не было ни одного случая, чтобы подобным образом поступали США. Разве что за исключением военных баз.

Китай только начинает реализовывать свою программу ЭПШП, но уже возникают серьезные проблемы. Аэропорт, открытый в Шри-Ланке в 2013 г., оказался убыточным так же, как неэффективный порт в пакистанском городе Гвадар⁴⁶. К тому же политическая и этническая разнородность провинции Белуджистан, где расположен этот порт и где Китай планирует инфраструктурные проекты более чем на 40 млрд долл., находится в весьма зыбком равновесии⁴⁷. Следует также упомянуть отказ от ранее подписанных соглашений по китайским инвестициям в инфраструктуру нового правительства Малайзии⁴⁸. Китай по существу разоряет местное производство, используя для осуществления совместных проектов китайские материалы, оборудование и рабочую силу.

Можно привести пример Украины, на которую Китай возлагал большие надежды. Планировалось арендовать около 3 млн га сельскохозяйственных угодий и вложить крупные инвестиционные средства в инфраструктуру, в первую очередь в Крыму. В КНР полагали, что Украина может стать опорным государством на западном фланге евразийского пространства⁴⁹.

Другим рецидивом прошлого является появление в Китае избыточного продукта. Именно избыточного, а не прибавочного, связанного с действием собственно законов экономической системы. Избыточный продукт был характерен для цивилизаций ранней древности с учетом урожайности зерновых культур, например в Древнем Египте. Как ни парадоксально, но для сохранения существовавших тогда социально-политических систем была необходима утилизация избыточного продукта, обычно в форме строительства громадных культовых сооружений (в частности, пирамид).

Для Китая характерны излишние производственные мощности почти во всех отраслях промышленности. На формирование основного капитала в Китае выделяется самая большая, по сравнению с другими странами мира, доля ВВП. Наблюдается непрерывный рост денежной массы, которая опережает рост ВВП. Угроза инфляции сдерживается активными мерами правительства⁵⁰. Валютные запасы КНР уже сейчас превышают 4 трлн долл.⁵¹ Китай достиг капиталоизбыточной стадии экономического развития⁵². «Избыточный продукт» для Китая также представляет серьезную опасность. Поэтому планируемое использование громадных средств на реализацию ЭПШП можно рассматривать как своеобразную форму утилизации этого продукта.

Экспортно ориентированная экономика КНР функционирует в рамках геоэкономического пространства, сформированного в свое время Западом. В определенной степени она занимает в нем положение «инородного тела». Китай по существу уже исчерпал свой потенциал промышленного и торгового придатка Запада. И единственным выходом из этого тупика является создание Китаем, Россией, другими СТГ собственного пространства — экономического, политического, финансового.

Необходимо учитывать очень важную закономерность. Если возникает какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической (экономической) системы и на него не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется деструктивная система, которая развивается уже по своим внутренним законам и главное — имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале проблему можно решить «малой кровью», то после перехода «точки невозврата» — уже «большой». Однако имеет место и вторая «точка невозврата», после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью», и обычно это заканчивается разрушением существующей системы.

По такой схеме развивались события в Чечне, на Украине, на Ближнем Востоке. Что касается экономической сферы, то из мирового экономического кризиса 2008 г. не было сделано практически никаких выводов. Поэтому Запад неизбежно ожидает еще более глубокий кризис, который может закончиться частичным или полным его разрушением. И чем раньше Китай и другие СТГ смогут сформировать свое пространство, тем меньшие потери они понесут.

1. Карпов А. Будущий Китай: «смотреть на Запад, не мстить Японии, не дружить с Россией» // ИА REGNUM. 05.10.2016. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2189115.htm>.
2. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2016. № 2. С. 12.
3. Карпов А. Указ. соч.
4. Буров В. Борьба с коррупцией в Китае // Азия и Африка сегодня. 2017. № 6. С. 12.
5. Стадвелл Д. Азиатская модель управления. Удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 363.
6. Ли Хуэй. Навстречу «Китайской мечте» // Азия и Африка сегодня. 2018. № 1. С. 4.
7. Шабалин В. Упущенный шанс // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 20–21.
8. Галенович Ю. «Великое возрождение и «морская цивилизация» Китая // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 101–112; Ли Хуэй. Указ. соч. С. 3.
9. Киктенко В.А. «Китайская мечта» как теория нового этапа модернизации КНР. URL: sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/06/Киктенко.pdf.
10. Дейч Т. XIX съезд КПК: значение для Китая и его внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5. С. 12; Ли Хуэй. Указ. соч. С. 3.
11. Подробнее см.: Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134–150; Он же. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода // Россия — Китай: история и культура: IX международная научно-практическая конференция. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2016. С. 156–168; Он же. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации (к столетию Русской революции) // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 668–688; Он же. Характер развития капитализма в России и Китае с позиций теории революционного периода // Экономическая история. 2017. № 4. С. 87–102.
12. Кондорский Б.М. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 40.
13. Мартынов Д.Е. Конфуцианские утопические элементы в официальной идеологии Китая в условиях модернизации страны (1927–1949) // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып 1(35). С. 169–172.
14. Hsiung J.C. Ideology and Practice: The Evolution of Chinese Communism. N.Y.: Praeger Publis, 1970.
15. Solomon R. Communications Patterns and the Chinese Revolution // The China Quarterly. 1967. V. 32. P. 108.
16. Желоховцев А.Н. Роль традиций в формировании стереотипов, мышления и поведения в современном Китае (культивирование религиозных форм массового сознания в идеологической политике маоизма) // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972. С. 354–358.
17. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 38.
18. Титаренко М., Ломанов А. Становление Китая как великой державы. Политические и культурные аспекты стратегии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 23.
19. Титаренко М. О феномене китайского социализма // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3–4.
20. Там же. С. 9.
21. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: Алгоритм, 2012. С. 18.
22. Титаренко М., Ломанов А. Указ. соч. С. 24–25.
23. Буров В.Г. В Китае возрождается культ Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 8–14.
24. Цвык А. Права человека: взгляд из Китая // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 52.
25. Буров В.Г. Указ. соч.
26. Кондрашова Л.И. Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. М.: ИД «Форум», 2009. С. 171.
27. Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 14.
28. Титаренко М., Ломанов А. Указ. соч. С. 25.
29. Салицкий А.Н., Семенова Н.К. Расширение стратегических горизонтов Китая // Восток. 2016. № 4. С. 152.
30. Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 7.

31. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 17–21.
32. *Титаренко М., Ломанов А.* Указ. соч. С. 14.
33. *Портяков В.* Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 58.
34. *Гельбрас В.Г.* Геоэкономическая стратегия Китая (опыт реконструкции) // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 21.
35. *Ломанов А.* Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 14.
36. *Лексютина Я.* Экономическая дипломатия Китая в XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 29.
37. *Мозиас П.* Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 33–36.
38. *Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 54.
39. *Мозиас П.* Указ. соч. С. 32.
40. *Каменнов П.* Вопросы военной политики Китая на XVIII съезде КПК // Проблемы дальнего Востока. 2013. № 2. С. 40–42.
41. *Лексютина Я.* «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 14.
42. *Фицджеральд Ч.П.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. С. 308.
43. *Морозов Ю.В.* Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 35–37.
44. *Тулепбергенова Г.* Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 86.
45. *Starr F.S.* Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. URL: http://www.cfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html.
46. *Исаев М.* КНР добивается своих целей с помощью «долговых ловушек» // ИА REGNUM. 24 января 2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2230426.html>.
47. *Шпунт А.* «Шелковый шнурок» на шее: засады на пути Китая // ИА REGNUM. 16 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2180686.html>.
48. *Запольскис А.* Почему и как Вашингтон убивает экономику Пакистана и при чем тут Китай // ИА REGNUM. 14 октября 2018. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2500234.html>.
49. *Кузнецов Д.* Украинский кризис 2013–2014 и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 13–24.
50. *Гельбрас В.Г.* Указ. соч. С. 16–17.
51. Там же. С. 24.
52. *Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 6.